

УДК 929

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-60-83

Арсенова Татьяна Анатольевна

научный сотрудник центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-9561-2445

E-mail: chelovekmira@mail.ru

**Борис Рыжий в Нижнем Новгороде
(реконструкция эпизода из последнего года жизни поэта)***

АННОТАЦИЯ. В статье представлен опыт реконструкции одного эпизода из биографии поэта Бориса Рыжего в контексте последнего года его жизни — единственной поездки в Нижний Новгород. Она состоялась в мае 2000 г. (за год до самоубийства) и была приурочена к литературному фестивалю с конференцией «Другая провинция». В задачи фестиваля входила ревизия состояния современной литературы и положения авторов в российских регионах на исходе первого постсоветского десятилетия; был проблематизирован вопрос творческих перспектив «провинциального» литератора, ресурсов и ограничений, которые накладывает на его деятельность географическая и социокультурная отдаленность от столичного литературного процесса с его инфраструктурными преимуществами. В статье показано, что проблематика фестиваля была актуальна для Б. Рыжего в последний год его жизни, она касалась насущного для него вопроса планирования ближайшего будущего: оставаться в Екатеринбурге или искать возможность переехать в одну из столиц. Выдвинута гипотеза о том, что ответ на этот вопрос — решение остаться в родном городе — пришел к Рыжему после его поездки в Роттердам (она состоялась спустя месяц после Н. Новгорода). Для реконструкции были собраны воспоминания и фотоматериалы участников фестиваля; уточнены обстоятельства проведения фестиваля, его агенты и приблизительная повестка, а также детали пребывания Рыжего в Н. Новгороде, включая точные адреса в городе, где он побывал (материалы для возможных литературных экскурсий по городу); выявлены публикации газетной и сетевой периодики, посвященные фестивалю. Отдельно проанализированы словесные портреты Бориса Рыжего в Н. Новгороде, составленные Сергеем Костырко, Алексеем Голицыным, Кириллом Кобриним, Дмитрием Зерновым, Марией Кузнецовой, а также автопортрет Рыжего в обстановке нижегородского фестиваля из его прозы «Роттердамский дневник»; сделаны выводы о стиле творческого поведения поэта и его психологическом состоянии в 2000 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Борис Рыжий, литературный Нижний Новгород, фестиваль «Другая провинция», творческое поведение, имидж поэта, литературный процесс, провинция и столица, голландская тема в творчестве Бориса Рыжего, нижегородские адреса Бориса Рыжего, гардероб Бориса Рыжего

Для цитирования: Арсёнова Т. А. Борис Рыжий в Нижнем Новгороде (реконструкция эпизода из последнего года жизни поэта) // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 2. С. 60–83. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-60-83.

Поступила в редакцию 10.10.2024

Принята к публикации 15.05.2025

© Арсенова Т. А., 2025

* Выражаю благодарность за помощь в поиске информантов и предоставление материалов для исследования Кириллу Кобрину, Дмитрию Зернову, Алексею Пурину, Алексее Голицыну, Владимиру Садовскому, Марии Кузнецовой, Ирине Юхновой и Анне Кузьминой.

UDC 929

DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-60-83

Tatiana An. Arsenova

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-9561-2445

E-mail: chelovekmira@mail.ru

**Boris Ryzhy in Nizhny Novgorod
(An Episode from the Last Year of the Poet's Life)**

ABSTRACT. The article presents an attempt to reconstruct one episode from the biography of the poet Boris Ryzhy in the context of the last year of his life — his only trip to Nizhny Novgorod. It took place in May 2000 (a year before his suicide) and was timed to coincide with the literary festival with the conference “Another Province”. The festival’s objectives included a revision of the state of contemporary literature and the position of authors in Russian regions at the end of the first post-Soviet decade; the issue of creative prospects of a “provincial” writer, resources and limitations imposed on his activities by geographical and socio-cultural remoteness from the capital’s literary process with its infrastructural advantages was problematized. The article shows that the festival’s agenda was relevant for B. Ryzhy in the last year of his life as it concerned the pressing issue of planning for the near future: to stay in Yekaterinburg or to look for an opportunity to move to one of the capitals. The author puts forward a hypothesis that the answer to this question — the decision to stay in his hometown — came to Ryzhy after his trip to Rotterdam (it took place a month after Nizhny Novgorod). To reconstruct the episode, the author collected recollections and photographs of festival participants; clarified the circumstances of the festival, its agents and approximate agenda, as well as details of Ryzhy’s stay in Nizhny Novgorod, including exact addresses in the city he visited (materials for possible literary excursions around the city); identified newspaper and online periodical publications dedicated to the festival; analyzed verbal portraits of Boris Ryzhy in Nizhny Novgorod, compiled by Sergei Kostyrko, Alexey Golitsyn, Kirill Kobrin, Dmitry Zernov, Maria Kuznetsova, as well as Ryzhy’s self-portrait in the setting of the Nizhny Novgorod festival from his prose “Rotterdam Diary”; made conclusions about the poet’s style of creative behavior and his psychological state in 2000.

KEYWORDS: Boris Ryzhy, literary Nizhny Novgorod, festival “Another Province”, creative behavior, poet’s image, literary process, province and the capital, Dutch theme in the works of Boris Ryzhy, Boris Ryzhy’s Nizhny Novgorod addresses, Boris Ryzhy’s wardrobe

For citation: Arsenova T. An. [Boris Ryzhy in Nizhny Novgorod (An Episode from the Last Year of the Poet’s Life)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal]*, 2025, vol. 4, no. 2, pp. 60–83. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-4-1-60-83 (In Russian).

Received 10 October 2024

Accepted 15 May 2024

Светлой памяти Сергея Костырко (1949–2024) и Алексея Голицына (1971–2025).

Вот в этом доме Пушкин пил
с гусарами. Я полюбил
за то его как человека.

Борис Рыжий

ВВЕДЕНИЕ

В короткой хронике жизни Бориса Рыжего (1974–2001) значится не так много городов и стран. Как известно, свои 27 неполных лет он прожил на Урале (первые шесть — в Челябинске, остальные — в Свердловске/Екатеринбурге), во взрослом возрасте регулярно бывал в столицах, Москве и Санкт-Петербурге, дважды выезжал за границу (в детстве — на морской курорт в Болгарию, в конце жизни — на литературный конгресс в Нидерланды). Будучи по образованию геофизиком и неоднократно участвуя в геологических партиях, неплохо знал Урал, в частности, отдаленные от Екатеринбурга уральские поселки... В настоящей статье я попытаюсь восстановить один эпизод его биографии, связанный с Нижним Новгородом¹ и проблемой «поэт между провинцией и столицей», — эпизод, ярко характеризующий общую атмосферу последнего года жизни поэта.

Единственная поездка Бориса Рыжего в Нижний Новгород состоялась за год до его добровольного ухода из жизни, в мае 2000 г. — самого насыщенного и «звездного» года в его недолгой литературной карьере. За несколько месяцев до того, в январе, Рыжему вручили в Москве поощрительную премию «Антибукер» — «За поэтический дебют», первую публикацию в журнале «Знамя» (1999, № 4, подборка “From Sverdlovsk with love”). Весной того же года он получил приглашение принять участие в 31-м Конгрессе мировой поэзии в Роттердаме (на котором в свое время побывал Иосиф Бродский, чрезвычайно важный для него поэт), конгресс состоялся в июне, спустя месяц после поездки в Нижний Новгород. Наконец, в мае у Рыжего вышла первая книга стихотворений — небольшой сборник «И всё такое...» в весьма престижной в то время поэтической серии «Автограф» петербургского издательства «Пушкинский фонд».

Что еще составляло фон жизни Б. Рыжего в этот период? Например, целая череда интервью, которые брали у него СМИ (как местные, екатеринбургские, так и столичные) сначала в связи с получением «Антибукера», а позже — с поездкой в Роттердам². Той же весной 2000-го Свердловская телерадиокомпания сняла о Рыжем сюжет «Сентиментальное путешествие на Вторчермет» (режиссер — Элеонора Корнилова) — 20-минутный фильм о поэте-самородке с промышленной окраины Екатеринбурга (на сегодняшний день эта оцифрованная телепередача — единственная общедоступная видеозапись Рыжего). Таким образом, буквально за несколько месяцев 25-летний Борис Рыжий, прежде известный в довольно узких кругах, превратился в «первого поэта Екатеринбурга». На фоне этого внезапного взлета известности и происходит поездка в Нижний Новгород — Рыжий принимает участие в литературном фестивале «Другая провинция», в задачи которого входила ревизия состояния литературы и положения авторов в российских регионах.

КОМПАНИЯ И АТМОСФЕРА ФЕСТИВАЛЬНЫХ ДНЕЙ

Краткий анонс этого мероприятия в Интернете удалось найти только в одном источнике — новостной ленте «Радио Свобода»³: «16–18 мая в Нижнем Новгороде пройдет литературный фестиваль “Другая провинция”. В дискуссии “Литература за пределами Садового кольца” примут участие редактор журнала “Звезда” Андрей Арьев, член редколлегии “Нового мира” Сергей Костырко, зав. отделом прозы “Невы” Самуил Лурье, редакторы журнала “Урби” Кирилл Кобрин и Алексей Пурин, филолог Григорий Амелин и другие. На поэтическом вечере “Литературная

¹ Статья подготовлена на основе доклада «Борис Рыжий в Нижнем Новгороде», представленного на Международной научной конференции «Грехнёвские чтения — XIV: Литературное произведение в системе контекстов» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 30–31 октября 2023 г.).

² Все они републикованы в книге: Борис Рыжий: исследования и материалы: коллектив. моногр. / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. М.; Екатеринбург, 2022. С. 292–338.

³ Средство массовой информации, признанное в РФ «иностранным агентом».

провинция в действии” выступят поэты из Нижнего Новгорода, Саратова, Екатеринбурга, Петербурга, Москвы»⁴.

Как пояснил в личной беседе со мной инициатор этого мероприятия Кирилл Кобрин — в то время преподаватель Нижегородского педагогического университета, сотрудник журнала «Новое литературное обозрение» и альманаха «Urbi», — фестиваль мыслился как закрывающий эпоху, подводный литературные итоги первого постсоветского десятилетия на пороге уже обозначившейся новой эпохи. (Он, по сути, и стал последним в цикле мероприятий, инициированных в Нижнем Новгороде К. Кобриным, поскольку в том же 2000 г. он эмигрировал.) Приглашенные на фестиваль литераторы по большей части представляли собой круг авторов альманаха «Urbi» — литературного издания, которое существовало с начала 1990-х и, как заметил Кобрин, программно не следовало существовавшим или намечавшимся тогда литературным иерархиям и картам течений (так, альманах публиковал совершенно разных авторов, например, Ры Никонову, Льва Лосева, Игоря Смирнова, Кейса Верхейла, Александра Пятигорского). Он формировался на базе двух городов — Нижнего Новгорода, который в качестве редактора представлял К. Кобрин, и Петербурга — в лице Алексея Пурина, поэта и заведующего отделом поэзии журнала «Звезда». Борис Рыжий был полноправным членом этого круга, поскольку именно «Urbi» в известной степени «открыл» его как поэта⁵, опубликовав в начале 1998 г. (вып. 15) обширную подборку его стихотворений. Визитной карточкой Рыжего в ней было стихотворение «Так гранит покрывается наледью...» — своего рода этико-эстетический манифест поэта, уже выработавшего к тому моменту собственные художественные взгляды и систему ценностей⁶. (Благодаря именно этой публикации, о чем расскажет позднее Евгений Рейн, он впервые прочел стихи Б. Рыжего⁷. В 1999 г. Рейн будет отстаивать кандидатуру Рыжего в жюри премии «Антибукер».) Через год после смерти Рыжего «Urbi» (2002, вып. 36/38) опубликует объемный блок его «петербургских» стихотворений, отдельные из которых нигде более напечатаны не будут.

Вторым названием нижегородского фестиваля 2000 г., как отметил К. Кобрин, было «Культура Междуречья», оно работало на образ Нижнего Новгорода как крупного культурного центра, обыгрывая отсылки одновременно к древнейшей в истории человечества цивилизации Месопотамии и к месту расположения города — на слиянии двух рек, Волги и Оки. Поскольку в задачи фестиваля входило представить литературу российской провинции 1990-х как органическую часть современной художественной культуры, все заседания и чтения происходили на площадке Государственного центра современного искусства (ГЦСИ), расположенного в Доме архитектора на Верхне-Волжской набережной, д. 2б.

Здесь я должна упомянуть, что попытка наметить какие-то вехи в перестроечной и постсоветской литературной жизни Нижнего Новгорода, в том числе осветить проект К. Кобрин «Культура Междуречья», в 2020 г. предпринималась студентами московского Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». В ходе экспедиций «Открываем Россию заново» магистранты направления «Литературное мастерство» собрали материалы (интервью, записи бесед и т. д.), составившие основу 160-страничного издания «Молодой Горький». Однако изложение

⁴ Culture News // Радио Свобода. 2000. 12 мая. URL: <https://www.svoboda.org/a/24105455.html> (дата обращения: 23.09.2021).

⁵ Правда, несколькими месяцами ранее, в сентябре 1997 г., Рыжий дебютировал в петербургской «Звезде», однако то была сравнительно небольшая и менее репрезентативная для него подборка, нежели в «Urbi».

⁶ См. об этом специальную работу: Быстров Н. Л. «Безобразное» как «прекрасное»: к интерпретации одной поэтической формулы Бориса Рыжего // Борис Рыжий: исследования и материалы. С. 104–121.

⁷ См.: Рейн Е., Бек Т. Вся жизнь и еще «Уан бук»: [интервью] // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 187–188. Первая личная (правда, мимолетная) встреча Е. Рейна с Б. Рыжим произошла годом ранее, в апреле 1997 г., когда Рыжий и О. Дозморов были в Москве на очередном Пушкинском студенческом конкурсе поэзии (проводился Академией нефти и газа им. И. М. Губкина). Дозморов так вспоминал их визит к Рейну: «В апреле 1997-го, сбежав со скучной читки стихов, мы пошли к Рейну, которому звонил из Волгограда Леонтьев и предупредил, что зайдет такой молодой поэт из Екатеринбурга Борис Рыжий, помните, я вас знакомил в Питере? Конечно, помню, пусть заходит — проорал в трубку Рейн. Я не ожидал, что ты меня возьмешь — дружба дружбой, а табачок всегда был врозь. Рейн открыл дверь сам лично, впустил в прихожую, выслушал. Бориса не узнал, как и через два года в Питере на Пушкинском фестивале (в июне 1999 г. — Т. А.). Извинился: работает с автором, принять, к сожалению, не сможет. Подписал нам “Сапожок”, книжка была моя, но чтобы не было обидно, решили считать ее общей. Она и сейчас наша общая, могу показать автограф. Дорогим Рыжему и Дозморову с приветом Рейн. Семнадцатого ноль четвертого девяносто седьмого» (Дозморов О. Премия «Мрамор» // Знамя. 2006. № 2. С. 133).

событий, в котором фигурирует имя Б. Рыжего, в этой книге путанное и содержит ряд фактических ошибок⁸, главная из которых — утверждение, что Рыжий якобы приезжал в Нижний Новгород неоднократно, в том числе был в 1997 г.

Поэт, а в настоящее время преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Дмитрий Зернов, в 2000 г. непосредственно отвечавший за организацию фестиваля, так описывает его внутреннюю «кухню»: «Сорос⁹ тогда объявил грант (очередной?) на проведение мероприятий в Н<ижнем> Н<овгороде>, и Кирилл Кобрин предложил мне в нем поучаствовать, и даже посодействовал трудоустройству в ГЦСИ, чтобы была большая возможность этот грант выиграть. В жюри, таким образом, оказалось несколько знакомых, поэтому мне грант и дали. Чудовищно много денег, то ли 1 000, то ли 3 000 долларов. <...> Заявку составлял, вероятно, сам Кобрин... <...> На меня легли нештучные организаторские заботы (до этого, да и после этого мне неведомые). Договориться о питании (обедали в Кремлевской столовой; ужинали (вернее, пили) в Пирожковой на Б<ольшой> Покровской), нанимать автобус для экскурсии (к нам приехала какая-то большая дребезжащая развалюха, какие тогда ходили по городу как рейсовые), и несколько человек (кто был в состоянии) поехали на экскурсию...»¹⁰

Оговорка Д. Зернова «кто был в состоянии» здесь неслучайна: все респонденты, к которым я обращалась, готовя этот сюжет, вспоминали о той нижегородской поездке (или же отказывались о ней вспоминать) как о непрерывном пьянстве, выдающемся даже по меркам их богатого алкогольного опыта. «Само мероприятие длилось три дня, — рассказывал в интервью 2014 г. нижегородскому portalу “Свободная пресса” Д. Зернов. — Здесь были и чтения, и доклады, и пресс-конференция, да, тоже была. Конечно, вечерние мероприятия кулуарного типа, где активно обсуждалась современная на тот момент литературная ситуация.

Официант одного из кафе, где проходила закрытая часть фестиваля, очень точно охарактеризовал градус дискуссии: “Я много раз видел, как людей от нас выносили, но впервые вижу, как их к нам вносят”. Но официальная дневная часть проходила очень серьезно. Тяжело, да, но серьезно и плодотворно»¹¹.

Алексей Пурин в ответ на мою просьбу рассказать о поездке 23-летней давности выслал несколько отсканированных фотографий, отражающих настроение их поэтической компании (см. рис. 3 на цв. вклейке; рис. 1, 2). Кроме того, он нашел в своем архиве короткое интервью поэта Алексея Голицына, представлявшего тогда редакцию саратовского журнала «Волга», опубликованное на сайте поволжского информационного агентства «TerraPIA»¹². После слов о том, что «Волга» ввиду отсутствия финансирования тихо умирает, А. Голицын в общих чертах рассказывает о недавней поездке в Нижний Новгород: «Если кратко, то: устроитель конференции — Фонд Сороса, автор приглашения — Кирилл Кобрин <...> гостиница как гостиница, темы актуальные, скажем, “Другая провинция”. Что это такое? Соросу виднее. Говорили про Интернет — вещь интересную, но марсианскую. Получу деньги по электронной почте — поверю. Читали стихи. Олег Дозморов — хорошие, Борис Рыжий (не псевдоним, лауреат Антибукера, 125 тысяч баксов¹³) —

⁸ См.: Молодой Горький: [путеводитель по литературной жизни Нижнего Новгорода]. М., 2020. С. 12–13.

⁹ Фонд Джорджа Сороса признан в РФ «нежелательной организацией».

¹⁰ Из личного письма автору статьи от 18 октября 2023 г.

¹¹ Зернов Д., Ларионов Д. «Очень важен быт и его мелочи: они наполнены особым смыслом»: [интервью] // Свободная пресса (Н. Новгород). 2014. № 123 (2264), 30 окт. URL: <http://svpressa-nn.ru/2014/347/dmitrii-zernov-ochen-vajen-byt-i-ego-melochi-oni-napolneny-osobym-smyslom.html> (дата обращения: 27.03.2017).

¹² Как мне удалось выяснить, это агентство действовало с 2000 по 2019 г. Его сайт в Интернете не сохранился, а потому установить точную дату публикации интервью А. Голицына сейчас невозможно. В свое время это интервью отыскал в Сети именно Борис Рыжий — распечатал и выслал А. Пурину простым письмом.

¹³ Об этой непомерно завышенной сумме («125 тысяч баксов») А. Голицын, вероятнее всего, услышал от самого Бориса Рыжего. В действительности денежное вознаграждение в рамках поощрительной премии «Антибукер» было значительно меньше; так, в первом интервью по случаю Антибукеровской премии, которое было записано зимой 1999/2000 г., Рыжий говорит, что должен получить приблизительно 2 000–4 000 долларов (см.: Рыжий Б., Абакумова С. «Поэт должен выступать адвокатом Жизни...» // Областная газета (Екатеринбург). 2000. № 16 (1464), 27 янв.). Также о «поощрительной премии, которая была не 12, а всего 2 тысячи долларов», будет вспоминать О. Дозморов: «Причем деньги зажали, их из газеты (“Независимой газеты”, главный редактор которой, Виталий Третьяков, и был основателем премии “Антибукер”. — Т. А.) выбивал Саша Леонтьев. И Рыжему было обидно, что ему дали эту поощрительную премию “Незнакомка”. Как бы за дебют» (Дозморов О., Кутенков Б. Олег Дозморов: «Борис нам уже не принадлежит — он принадлежит всем»: интервью.

замечательные. Александр Леонтьев спал, Алексей Пурин упал со стула перед собственным выступлением. Говорю об этом со сложным чувством уважения и зависти. Журналистки так себе. Город любопытный: архитектура, две крупные реки, овраги, в промышленных районах не был. Конференция результативная, все познакомилось, хотелось бы еще»¹⁴.

Рис. 1. Олег Дозморов и Александр Леонтьев в гостинице. Из архива Алексея Пурин
Fig. 1. Oleg Dozmorov and Alexander Leontyev at the hotel. From the archive of Alexey Purin

Рис. 2. Алексей Пурин и Григорий Амелин. Из архива Алексея Пурин
Fig. 2. Alexey Purin and Grigory Amelin. From the archive of Alexey Purin

НИЖЕГОРОДСКИЕ АДРЕСА Б. РЫЖЕГО

Помимо уже упомянутого Дома архитектора на Верхне-Волжской набережной — основной площадки проведения фестиваля, укажу еще несколько адресов, связанных с пребыванием Рыжего в Нижнем Новгороде. Гостиница, в которой жили гости фестиваля, по словам А. Пурин, располагалась на высоком берегу с видом на слияние рек — вероятно, это гостиница «Нижегородская», с 2011 г. вошедшая в сеть отелей «Азимут» (ул. Заломова, 2). Воспоминания же другого участника литературной делегации, сотрудника журнала «Новый мир» Сергея Костырко, на мой взгляд, указывают на другую гостиницу — в нижней части города: «...Из поезда на вокзале я вышел вместе с А<лександром> Л<еонтьевым> (ехали в одном купе), Борисом и Олегом <Дозморовым>. На троллейбусе, через мост, мимо продуктового магазинчика “Дело вкуса”, по улицам, занесенным снегом, неожиданно выпавшем ночью, мы добрались до гостиницы “Ока” (или “Волга”?)¹⁵, где были заказаны нам номера...»; «...По утрам, до завтрака в арендованном

[Часть 1] // Формаслов. 2021. 1 мая. URL: <https://formasloff.ru/2021/05/01/oleg-dozmorov-boris-nam-uzhe-ne-prinadlezhit-op-prinadlezhit-vsem/> (дата обращения: 05.05.2021)). Однако весной — летом 2000 г., уже явно «фантазируя», Рыжий будет сообщать (в том числе и А. Голицыну) о другой сумме. В интервью «Комсомольской правде на Урале» он скажет, что «получил 12 тысяч 501 американский доллар». «На эти деньги я купил себе отличный компьютер и осуществил свою давнюю мечту — приобрел ружье “Сайга”. Вернулся домой и сразу ружье опробовал: поехали с друзьями в Ивдель, на кабанов охотиться — двоих хряков уложили» (Рыжий Б., Кучук А. Провинциальный поэт Рыжий, владелец Антибукера, покоритель Европы // Комсомольская правда на Урале. 2000. № 127 (22351), 14–21 июля).

¹⁴ Голицын А., Гильманова А. Алексей Голицын: «С литературой в регионах все в порядке»: [интервью] // TerraPIA: поволжское информационное агентство. 2000. [Дата не установлена]. URL: terra.ru/mk_00015.html (дата обращения: [2000]).

¹⁵ Здесь и далее, помимо специально оговариваемых случаев, курсив в цитатах мой.

для нас зале кофейни, я выходил погулять с фотоаппаратом. *Гостиница наша была в старом центре, и далеко идти не нужно было. <...> ...вдруг предложил в попутчики Борис Рыжий. Прогулка наша была не слишком долгой, каких-либо запомнившихся разговоров, в общем-то, не было. Гуляние было расслабленное, тихое, такое же, как то серое теплое майское утро <...>. Мы шли по узкой улочке с трамвайной линией посередине»¹⁶. Судя по этим фрагментам, можно предположить, что участники фестиваля жили в гостинице «Волга», которая по-прежнему располагается на старой улице с домами XIX в. и «с трамвайной линией посередине» (ул. Рождественская, 28е)¹⁷.*

Процитированные воспоминания С. Костырко можно в целом назвать ценным источником для реконструкции нижегородского эпизода из жизни Рыжего — они фиксируют и характер поэта (о чем пойдет речь далее), и общий дух той весенней поездки в конкретных координатах города. Кроме того, они позволяют установить более-менее точные адреса и маршруты участников фестиваля. Приведу фрагменты: «...После выступления, например, в Доме архитекторов, стоящем на берегу Волги недалеко от Кремля, того выступления, что сопровождалось глотками из принесенной кем-то из организаторов бутылки коньяка <...> мы выкатились наружу и пошли пешком сначала к Покровской, а потом *сквозь всю Покровскую, где в самом ее конце, слева за домом, была кофейня, где оплачивались наши вечерние посиделки*»¹⁸. В Сети существует опубликованное С. Костырко фото, на котором делегация фестиваля движется по площади Минина и Пожарского (вероятно, от Дома архитектора) в сторону Большой Покровской, за их спинами видна Пороховая башня Нижегородского Кремля (рис. 3). Упомянутая здесь кофейня — это то же заведение, которое в процитированном выше письме Д. Зернова фигурирует как «пирожковая», а в его интервью — как кафе, где официант «впервые видел, как людей к нам вносят». Оно располагалось по адресу: ул. Б. Покровская, 44б и существовало более 20 лет (в последние годы под вывеской «Очаг»), а не так давно было закрыто.

Рис. 3. Алексей Голицын (на первом плане), Борис Рыжий на площади Минина и Пожарского.
Из архива Сергея Костырко

Fig. 3. Alexey Golitsyn (foreground), Boris Ryzhy on Minin and Pozharsky Square.
From the archive of Sergey Kostyrko

¹⁶ Цит. по: Мельников А. Борис Рыжий: введение в мифологию. Изд. 3-е, испр. и доп. Уфа, 2017. С. 159, 163.

¹⁷ Кроме того, именно при гостинице «Волга» действует сауна, которая будет фигурировать в воспоминаниях других моих респондентов. Уточнить у С. П. Костырко точный адрес гостиницы я не успела — он ушел из жизни 22 марта 2024 г.

¹⁸ Мельников А. Борис Рыжий: введение в мифологию. С. 160.

Выразителен эпизод из воспоминаний Костырко, посвященный экскурсионной части фестиваля: «...Пили, повторяю, много, и Борис Рыжий на этом фоне не производил впечатления человека, зависимого от спиртного. То есть выпивал он регулярно, но, перебрав, тут же куда-то исчезал отсыпаться. Или в свой номер в гостинице, или, скажем, тут же укладывался на заднее сиденье автобуса, как однажды утром, когда нас на специально арендованном транспорте повезли по музеям Максима Горького. Ну а Боря с Сашей <Леонтьевым> слегка опохмелились, а потом согласно улеглись на короткие, плохо приспособленные для этого автобусные сиденья, выставив (Боря) в проход ботинки, надетые на босу ногу. И тут же вырубались. И минут через двадцать заметно посвежевший Боря (Саша остался в автобусе досыпать) уже гулял с нами по комнатам музея, рассматривая монументальный стол и стул-кресло, за которым сидел уже набиравший к тому моменту всероссийскую славу арендатор этого особняка...»¹⁹ Вероятно, именно эта поездка на автобусе (напомню слова Д. Зернова о том, что для экскурсии «приехала какая-то большая дребезжащая развалюха, какие тогда ходили по городу как рейсовые») запечатлена на другом фото Костырко (рис. 4). Упомянутый музей — это Музей-квартира А. М. Горького (последняя нижегородская квартира Пешковых) по адресу: ул. Семашко, 19.

Рис. 4. Александр Леонтьев и Борис Рыжий. Из архива Сергея Костырко
Fig. 4. Alexander Leontiev and Boris Ryzhy. From the archive of Sergey Kostyrko

ПРОБЛЕМАТИКА МЕРОПРИЯТИЯ

Ни программы, ни брошюр или проспектов, фиксирующих круг вопросов для обсуждения на фестивале «Другая провинция», не было. По словам Д. Зернова, их не печатали, но была афиша, которая не сохранилась, — как не сохранилась (пропала?) впоследствии и видеозапись одного из заседаний фестиваля. Шесть стоп-кадров из нее с изображением Б. Рыжего, А. Леонтьева и О. Дозморова выкладывал в 2008 г. в своем «Живом Журнале» Д. Зернов (см., например: рис. 5, 6). Недавно по моей просьбе он отсканировал несколько имевшихся у него фотоснимков (например: рис. 7).

Некоторые тезисы дискуссии о литературе в провинции, развернувшейся на одном из заседаний, были изложены в заметке Марии Кузнецовой в газете «Нижегородские новости» от 25 мая 2000 г. Приведу ее текст целиком:

¹⁹ Там же. С. 160–161.

ОТ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ. И ОБРАТНО

— Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки...
Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом!
Н. В. Гоголь

Тут на днях такое было: собрались в одном месте (на третьем этаже Дома архитектора) разные серьезные люди (поэты, критики, сотрудники толстых журналов). Собрались, само собою, не просто так, а в рамках литературно-культурологического проекта «Другая провинция», осуществляемого молодым нижегородским писателем Дмитрием Зерновым. Так вот, собрались они, значит, закурили и начали рассуждать: что такое провинция? зачем она нужна? может ли быть из нее что-нибудь доброе в культурном смысле? и если да, то что?..

Сначала потребовалось уточнить термин, и его долго уточняли. Например, петербургский критик А. Арьев прочел длиннущее эссе, начинавшееся словами: «Культура в основе провинциальна. Провинциальна она в большей степени, чем провиденциальна». Сотрудник журнала «Новый мир» С. П. Костырко заметил, что провинциальность — понятие уж никак не географическое: достаточно сравнить теперешнее творчество московского поэта Вознесенского и некоторые «периферийные» сайты в Интернете (такие, как «Лавка языков» и «Ферганская школа»). Сравнение, увы, не в пользу первого.

Нижегородец Кирилл Кобрин посетовал на то, что в Нижнем не сложилось культурной среды, — а все потому, что от Москвы здесь недалеко. Если кто-то из местных творцов что-то собою представляет, так, стало быть, садится он на поезд, едет шесть часов — и... «фатальное географическое положение» и делает наш город таким провинциальным (в отличие, скажем, от Екатеринбурга). А романтический Ярослав Кауров (руководитель нижегородского «Театра поэтов»), напротив, утверждал, что все у нас отлично, что культура, если где и есть, так это как раз не в центре. И потрясал при этом роскошно изданным сборником «Холм поэтов».

Любопытный факт: никто из редакции толстого литературного журнала «Нижний Новгород» (обложкой напоминающего «Новый мир») на дискуссии не появился (хотя их и приглашали). То ли некогда им, то ли скучно, то ли что-нибудь еще.

Зато появилась поэтесса Марина Кулакова²⁰. Она, правда, не выступала, но призналась в кулуарной беседе, что не сегодня-завтра собирается покончить с провинциальной жизнью и уехать в Москву.

В ходе дискуссии прозвучало несколько презентационных утверждений по поводу феномена провинциального, которые были аккуратно записаны в блокнот. Итак:

— Петербург — глухая провинция. А глухая провинция — это страшный мир (Александр Блок, великий русский поэт. Цитировано А. Ю. Ардовым (Арьевым. — Т. А.).

— Провинциальность — это закомплексованность: когда люди сидят и злятся. На то, что они не в столице (Олег Дозморov, журнал «Урал»).

— Мы — заложники нашей имперской истории. Элементарный инстинкт самосохранения вынуждает творческого человека уезжать в Москву (Сергей Костырко, журнал «Новый мир»).

— Провинция — это жизнь. Столица — смерть (Алексей Пурин, петербургский поэт, журнал «Звезда»).

— Провинция сама «выдавливает» из себя творческого человека (Борис Рыжий, поэт из Екатеринбурга).

— Провинциализм — это когда доказывают в сотый раз то, что уже давно доказано (он же).

Мария Кузнецова

Очертить объем понятия «провинция» применительно к литературному процессу, как видно по приведенной заметке, участники фестиваля пытались с разных точек зрения. Одни стремились занять внешнюю позицию «столичного аналитика», другие говорили о «провинции» и «провинциальности» изнутри собственной жизненной ситуации — опыта творчества вдали от литературных центров.

²⁰ На той же странице «Нижегородских новостей», что и заметка М. Кузнецовой, приводятся рассуждения М. Кулаковой «Писатель как чуждый всем».

Рис. 5. Борис Рыжий на фестивале «Другая провинция» (кадр видеосъемки)
Fig. 5. Boris Ryzhiy at the «Another Province» festival (freeze frame)

Источник: Dmitry Zernov (poza). Из истории нижегородского литпроцесса. 2008. 4 июня.
URL: <https://poza.livejournal.com/279033.html>
(дата обращения: 25.10.2023)

Рис. 6. Александр Леонтьев и Борис Рыжий на фестивале «Другая провинция» (кадр видеосъемки)
Fig. 6. Alexander Leontyev and Boris Ryzhiy at the «Another Province» festival (freeze frame)

Источник: Dmitry Zernov (poza). Из истории нижегородского литпроцесса. 2008. 4 июня.
URL: <https://poza.livejournal.com/279033.html>
(дата обращения: 25.10.2023)

Рис. 7. Александр Леонтьев, Борис Рыжий, Олег Дозморов, Алексей Пурин.
Из архива Дмитрия Зернова

Fig. 7. Alexander Leontiev, Boris Ryzhy, Oleg Dozmorov, Alexey Purin.
From the archive of Dmitry Zernov

Полагаю, изначальным посылом дискуссии была попытка преодолеть инерцию обиходного, чаще всего негативного понимания «провинции» и «провинциальности», какое было сформулировано, например, Сергеем Чуприниным в словаре «Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям»: «...провинциализм стал в нашей речевой практике синонимом сначала оторванности

от общенационального и мирового литературного контекста, а затем и творческой ограниченности, слепого тиражирования норм и мод, которые в столицах давно воспринимаются как архаические»²¹. Вероятно, именно поэтому в качестве заглавного был выбран доклад Андрея Арьева (журнал «Звезда»), от которого в записи М. Кузнецовой остались довольно туманное афористичное высказывание «Культура в основе провинциальна. Провинциальна она в большей степени, чем провиденциальна» и цитата из Блока. Текст выступления, из которого взяты эти слова, лег в основу эссе Арьева «“Маленький человек” в поисках Бога. (Петербургское культурное самосознание сегодня)», тремя годами позже напечатанного в журнале «Всемирное слово», в специальном выпуске, посвященном 300-летию северной столицы. И именно в контексте разговора о петербургской словесности и даже конкретнее — в контексте явления, в работах В. Н. Топорова получившего определение «петербургского текста» русской литературы, эти высказывания и должны пониматься. В частности, Арьев пишет: «Региональность культуры питает, без нее она — фасад и фантом.

Если отвлечься от “столичного лоска”, то обнаружится истина совсем не низкая: культура в основе своей провинциальна, укоренена в природе, в почве, в местном наречии. Провинциальна она в большей степени, чем провиденциальна, земли в ней больше, чем неба. Любая столица начиналась с хутора, с пещеры отшельника. Дом Петра Великого был в этом городе низкий и деревянный.

Недалённая память о временах, когда “лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца, кругом шумел”, неотторжима от исторического самосознания петербуржца. Так же, как и тот факт, что этот заболоченный, затопляемый лес всегда был пограничным урочищем. В том числе и в века, когда это урочище оказалось центром империи»²²; «Санкт-Петербург — “провинция” в точном, этимологическом значении этого слова: “воздаяние за победу” (от лат. pro и vincere). То есть земля, присоединенная к метрополии. Именно “провинцию” Петр Великий утвердил центром империи»²³.

Такое парадоксальное соединение географического положения и судьбы места, послужившее для литературы Петербурга не просто питательной почвой, но почти неисчерпаемым источником энергии для самоосмысления, для выработки «собственного лица» в виде устойчивого набора сюжетов, мотивов, мифологем и т. д. («исходным материалом и содержанием петербургской культуры» Арьев называет «интуицию о неполноте земного человеческого бытия»²⁴), представляет собой случай скорее исключительный, нежели закономерный. Далеко не всякая российская провинция обладала сравнимым с петербургским потенциалом для формирования разветвленной литературной мифологии, для выработки собственного локального «сверхтекста». Лишенная энергии, позволяющей вчерашней окраине стать центром страны, культурная идентичность того или иного региона чаще всего оказывалась ресурсом исчерпаемым²⁵, а эффективность ее реактуализации (или даже конструирования заново) напрямую зависела от амбиций и целенаправленных усилий конкретных — чаще всего единичных — энтузиастов и от численности их восприимчивых, образующих несопоставимо более тонкую, нежели в «северной столице», культурную прослойку.

Если доклад А. Арьева в большей мере касался истории вопроса, то С. Костырко в своем выступлении обратил внимание слушателей на новое, нарождающееся и не имеющее преце-

²¹ Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М., 2007. С. 455.

²² Арьев А. «Маленький человек» в поисках Бога. (Петербургское культурное самосознание сегодня) // Всемирное слово: междунар. журн. 2003. № 16. С. 19.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Такой диагноз литературной ситуации на Урале на границе 1990-х — 2000-х гг., например, поставила Ольга Славникова: «К приходу в литературу нового поколения, перевалившего текстами рубеж перестройки, все лежавшие на поверхности ресурсы уральской самобытности оказались съедены. Урал — типичный пример экологического кризиса реальности первого порядка, которую литература исписала вдоль и поперек. Теперь истощенный материал нуждается в отдыхе, а писателям остаются интеллектуальные области цитат и отражений, где нет и не может быть вопроса о “жизни”, отдающей свои формы “литературе”. Больше из рифейского пейзажа уже ничего не добудешь промышленным открытым способом, хотя кое-что там по-прежнему остается» (Славникова О. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 297).

дентов в истории литературы явление — «русский литературный интернет». На исходе 1990-х виртуальное пространство Интернета, в котором могла бытовать словесность, еще только начинало трансформировать прежний порядок разделения текущего литературного процесса на условно «столичный» и «региональный», «периферийный» (в соответствии с которым развитие литературы в провинции как бы априори носило догоняющий характер), тенденция существенно сдерживалась пока довольно ограниченным числом пользователей Сети. Зафиксированная М. Кузнецовой реплика С. Костырко (см. «провинциальность — понятие уж никак не географическое...» и далее) представляла промежуточные результаты его наблюдений за становлением нового явления, к которому — следует заметить — он имел непосредственное отношение как куратор сайта «толстых» литературных журналов «Журнальный зал». Спустя же десятилетие (за которое в России, как известно, значительно выросла доступность для населения компьютерной техники, был осуществлен переход от малоудобного ADSL-подключения к выделенным каналам связи, и в результате произошел резкий рост аудитории интернет-пользователей) Костырко в специальной статье 2011 г. констатировал окончательную нивелировку иерархичности литературной карты: «Специфика сетевого пространства, игнорирующего разделение на географические зоны, наделила новым смыслом такое понятие, как “региональная литература”. Десятилетиями определение “региональный” по отношению к литератору употреблялось как стыдливый эвфемизм слова “провинциальный”, а точнее, “второсортный”. Интернет же, создав единое культурное пространство, изменил традиционное значение слова “региональный” чуть ли не на противоположное — на знак некой культурной изоционности, свидетельствующий о наличии в явлении искусства кроме, так сказать, базовой культуры, еще и какой-то дополнительной составной, связанной с особенностями культуры региона»²⁶.

Насколько утешительными были для «провинциальных» деятелей словесности промежуточные наблюдения Костырко, спрогнозировавшего ведущую роль Интернета в трансформации поля литературы в ближайшем будущем, в том числе нивелировку негативной семантики в понятии провинциальной литературы, судить трудно, однако разговор об Интернете в принципе вызывал тогда у некоторых скепсис, о чем можно судить по коротким высказываниям А. Голицына (см. из процитированного выше интервью 2000 г.: «Говорили про Интернет — вещь интересную, но марсианскую. Получу деньги по электронной почте — поверю») и Б. Рыжего. Последний в одной из заметок рубрики «Актуальная поэзия с Борисом Рыжим» (печаталась в екатеринбургской газете «Книжный клуб» в 2000–2001 гг.) говорит о «литературных бомжах, ютящихся в разветвленных теплотрассах русского Интернета»²⁷. Уничжительный тон Рыжего не удивителен: он видел в литературном Интернете главным образом альтернативный — более легкий — способ публикации для многочисленных графоманов²⁸; лично его такой выход к читателю не интересовал, поскольку он на тот момент уже отчетливо был сориентирован на сложившуюся еще в советское время сеть авторитетных печатных литературных изданий («Звезда», «Знамя» и др.). В отличие от сетевых площадок, публикация в них предполагала прохождение экспертной оценки (рецензирования, редактирования), выступая своего рода способом институционализации пишущего и формируя его репутацию в среде «профессиональных читателей».

Как видим, в своих выступлениях А. Арьев и С. Костырко стремились подчеркнуть креативную сторону феномена «литературной провинции», в той или иной мере размывая границы *провинциального*, чаще всего оцениваемого как негативное, и отождествляя его с «позитивным» *региональным*. И хотя это некоторым образом расширяло диапазон разговора, остроты его все же не снимало, в особенности для тех участников фестиваля, кто на рубеже 1990-х — 2000-х видел в собственной принадлежности к «провинции» не материал для культурологических построений,

²⁶ Костырко С. Русский литературный интернет: начало // Новый журнал. 2011. № 263. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (дата обращения: 16.11.2023).

²⁷ Рыжий Б. Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004. С. 462.

²⁸ Что же касается вообще пользования домашним Интернетом, то он появился у Рыжего в том же 2000 г., незадолго до поездки в Нижний Новгород, когда на премиальные деньги «Антибукера» он приобрел компьютер (см.: Рыжий Б., Кучук А. Провинциальный поэт Рыжий, владелец Антибукера, покоритель Европы). Из письма Ларисе Миллер от 18 марта 2001 г. известно, что Рыжий регулярно посещал сайт «Журнальный зал» (см.: Рыжий Б., Миллер Л. Переписка // Урал. 2003. № 6. С. 142).

а клубок насущных проблем: особенно остро ощущавшееся недофинансирование существующих региональных литературных изданий и, как следствие, бесперспективность новых инициатив и невозможность зарабатывать в своей «провинции» литературным трудом²⁹. Кроме того, серьезной проблемой были малочисленность и ограниченность местного писательского сообщества, метафорически выражаясь — «нехватка воздуха»³⁰.

К таким участникам, судя по газетной статье М. Кузнецовой, и относились екатеринбуржцы Олег Дозморов и Борис Рыжий, которые высказались о «провинции» безапелляционно. Слова Б. Рыжего («Провинция сама “выдавливает” из себя творческого человека»; «Провинциализм — это когда доказывают в сотый раз то, что уже давно доказано») дополняли его заявление в интервью «Независимой газете» (март 2000 г.): «— Сейчас модно стало говорить о том, что настоящая культурная жизнь переместилась из столицы, где все сводится к тусовкам, в провинцию, один из ярких примеров — Екатеринбург. Что вы скажете по этому поводу?

— Там, безусловно, есть очень талантливые люди — Коляда, Славникова, Горланова, Верников. Но проблема в том, что круг этот очень невелик, все друг другу быстро надоедают. Я должен признать такую закономерность: кто оттуда не уехал, из того ничего не вышло. К сожалению, это так. В провинции хорошо начинают, подают большие надежды, потом все куда-то уходит. Я думаю, сказывается недостаток среды»³¹.

Спустя два десятилетия их с Б. Рыжим тогдашнюю позицию так прокомментировал Олег Дозморов: «Проблема провинциальности — не в том, что это провинция. Провинция — это не география. А в том, что там, куда ни шагнешь, ты окажешься все в том же местном контексте. <...> Свои иерархии, своя критика, свой журнал — это все игра в поддавки. Все десятилетиями живут рядом, ссорятся, мирятся, обмениваются женами, любят и ненавидят. Боря не хотел этого, вот и все»³².

Б. РЫЖИЙ И ПРОБЛЕМА «ПОЭТ МЕЖДУ ПРОВИНЦИЕЙ И СТОЛИЦЕЙ»

Таким образом, проблематика нижегородского фестиваля для Бориса Рыжего была не просто поводом для отвлеченных дискуссий, а касалась лично важного для него на тот момент вопроса: удовлетвориться положением одного из самых многообещающих в городе поэтов, приняв все «инфраструктурные» ограничения, налагаемые литературной провинцией, или же предпринять попытку встроиться в столичный литературный истеблишмент и найти «литературную» работу в Москве или Петербурге, что по тем временам (когда Интернет еще не отменил проблему географических расстояний и границ) предполагало переезд из Екатеринбурга. Насколько серьезно

²⁹ О безденежье современных екатеринбургских поэтов, вынужденных зарабатывать бог весть чем, см. в заметке «Актуальная поэзия с Борисом Рыжим» от 19 февраля 2001 г. (Рыжий Б. *Оправдание жизни*. С. 480–482). Попутно отмечу, что поездка Рыжего в Нижний Новгород состоялась незадолго до его ухода из редакции журнала «Урал» — главного толстого литературного журнала в регионе, который в то время постепенно выбирался из глубокого финансового кризиса, пережитого в 1990-е (см. об этом в кн.: Лукьянин В. П. «Урал»: журнал и судьбы. Екатеринбург, 2018. С. 577–585, 591–596). Последнее, однако, не сделало его перспективной площадкой для самореализации Рыжего. Так, в письме к Алексею Кокотову он писал о своем опыте работы в этом журнале: «Я из “Урала” ушел именно по той причине, что редакция трусит печатать оригинальные интересные вещи. Коляда, редактор, приглашая меня на работу, обещал полную свободу. Я, понятно, навыпрашивал кучу материалов, а потом выяснилось, что наши с главным представления о свободе абсолютно не совпадают. И если бы у него была какая-то литературная концепция! Нет, он боится людей из местного управления культуры, которые имеют отношение к финансированию журнала. <...> А вообще, Алексей, провинция — такое дерьмо. Какие бы возможности самые головокружительные ни появлялись, все коту под хвост. Из “Урала” можно было сделать настоящий журнал, все было. Деньги, коллектив, авторов — армия, выбирай не хочу» (Travellersjoy [Кокотов А.]. Письма Б. Р. 2013. 18 мая // Livejournal. URL: <https://travellersjoy.livejournal.com/133769.html> (дата обращения: 24.10.2023); письмо не датировано).

³⁰ Эту метафору в своем эссе 2003 г. разворачивает Леонид Костюков. Говоря об общей проблеме екатеринбургских литераторов, он пишет: «Речь не о нищете. Речь (если обратиться к истории) даже не о физическом выживании. Георгий Иванов уехал не потому, что боялся погибнуть в стране большевиков. Он уехал от нехватки воздуха. <...> Новое время крадет воздух у поэта условно новым способом — оно отворачивается от него. Парадоксальным образом свердловский поэт у себя на родине попадает в ту же позицию, что Георгий Адамович и иже с ним на чужбине — одиночество и свобода (курсив автора. — Т. А.). Одиночество, которое делится на пятерых-шестерых» (Костюков Л. *Екатеринбургская нота* // Арион. 2003. № 2. С. 71, 72).

³¹ Рыжий Б., Шаповал С. Поэт из дома бывших заключенных. Лауреат Антибукера поэт Борис Рыжий собирает статью сентиментальным: [интервью] // Независимая газета. 2000. № 46 (2108), 15 марта.

³² Дозморов О., Кутенков Б. Олег Дозморов: «Борис нам уже не принадлежит — он принадлежит всем».

стоял перед ним этот вопрос — неизвестно, но перспектива переселения в одну из столиц подспудно присутствовала в сознании Рыжего — по меркам его короткой и быстрой жизни — довольно давно, возможно, с начала регулярных поездок в Петербург, в процессе складывания тамошнего круга общения (приблизительно 1994–1996 гг.). Об этом можно судить по его стихам — в них неоднократно возникает мотив обреченности на жизнь в провинции, далекой от «высокой» культуры (см., например, «К Овидию» (1996), «Робинзон» (1996), «В Рим» (1996), «В провинциальном городке...» (1996), «К Дозморову» (1997), «Петербургским корешам» (1998), «По родительским полям пройдуся...» (1999) и др.), а в текстах 1998–1999 гг. прямо или косвенно вычерчивается вектор переезда (см. «Стихи уклониста Б. Рыжего» (1998), «Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей...» (1999), «Нужно двинуть поездом на север...» (1999)).

Рассуждения Рыжего о возможном отъезде из Екатеринбурга можно найти в дневнике Алексея Кузина; так, 8 апреля 1998 г. он записал: «С Б. Рыжим я вчера говорил о его желании уехать в Питер. Он объясняет свое намерение тем, что здесь ему страшно (*он не раз говорил: "Я боюсь ходить по улицам!"*³³) и не с кем бороться. Он так и сказал: "бороться"³⁴. <...> Я убеждал Бориса, что он никуда не должен уезжать, ибо здесь у него родители, семья, а какое общение, какие нравы его ждут в Санкт-Петербурге — известно³⁵. Мне кажется, что он внял моим доводам, особенно словам о долге перед родителями»³⁶.

Через год, в записи от 6 апреля 1999 г., дело будет касаться уже не столько переезда, сколько, по всей видимости, его подоплеку — задачи своевременно войти в круг литературной элиты: «Кушнер предлагает Б. Р. познакомиться с О. Чухонцевым из "Нового мира". Но Борис не спешит, ибо теперь он считает, что надо идти постепенно, не взбираясь на высоту, с которой страшно упасть. <...> Но главное, Борис начал разговор с того, что важно вовремя сесть за стол, где сидят званые литераторы, иначе потом это будет невозможно, навсегда останешься вне»³⁷.

Однако возможность вхождения в столичное литературное сообщество еще в 1997 г. вызывала у Рыжего серьезные сомнения, в чем он признавался в письме Александру Кушнеру от 11 ноября: «После публикации в "Звезде" я серьезно задумался, долго ничего не писал. Все кажется каким-то искусственным, вторичным, а хочется свежести, адекватности времени, что ли.

Раньше думал, что в Екатеринбурге жить страшно, теперь же вижу — в Петербурге еще страшней. В провинции хотя бы соблюдаются какие-то правила, пусть жесткие... В провинции можно быть просто человеком, сочиняющим стихи, а в столицах надо играть; порой это дурные игры»³⁸.

Судя по этому письму, открытое декларирование провинциальным писательским сообществом своих «правил жизни» в большей мере импонировало Рыжему, нежели не всегда ясные и прозрачные условия «игры» в столичных литературных кругах. Что именно подразумевал Рыжий под «жесткими правилами» в провинции и «дурными играми» в столицах? В первом случае — конечно, строгую возрастную иерархию, деление на «старших» и «младших» литераторов (в иных терминах — на «учителей» и «учеников») по возрастному принципу, а не по «гамбургскому счету» (когда оцениваются художественные достоинства их текстов); возможно, подразумевается и противостояние двух союзов — условно «почвеннического» Союза писателей России и «демократического» Союза российских писателей; и, наконец, своеобразный местечковый «патриотизм», предписывающий не смотреть в сторону Москвы — не сообразовываться

³³ Позднейшие авторские примечания в книге А. Кузина даны курсивом.

³⁴ См. далее в цитате из О. Дозморова слова о том, что «соревнование, наличие противника вообще его <Рыжего> мотивировали».

³⁵ Здесь необходимо отметить: тема столичной литературной жизни и нравов ее деятелей, а также «карьеризма» Рыжего, сориентированного на эту среду, настойчиво всплывает и, по выражению Василия Чепелева, «демонизируется» в дневнике Кузина (см.: Чепелев В. Шотландский дневник: рец. на: Олег Дозморов. Премия Мрамор. Non-fiction // За Art: журн. создателей и потребителей искусства. 2006. № 9. С. 100), поскольку тема эта была для него предметом раздраженного неприятия, которое Рыжий в силу своего характера намеренно подогревал. О. Дозморов позже вспоминал: «Боря же педалировал это — дразнил всех: он возвращался из Москвы — и рассказывал всякие небылицы, возвращался из Питера — и рассказывал, что Кушнер получил премию и купил "Мерседес". Люди верили. Или что он такой же прожженный, и Кушнер обещал ему "Северную Пальмиру"» (Дозморов О., Кутенков Б. Олег Дозморов: «Борис нам уже не принадлежит — он принадлежит всем»).

³⁶ Кузин А. В. Следы Бориса Рыжего. Заметки из дневника. Екатеринбург, 2004. С. 64–65.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 510.

с тенденциями, задаваемыми метрополией, полагая писательство «личным делом» и т. д. Во втором случае, говоря о «дурных играх», Рыжий скорее всего имел в виду лукавство и неискренность ключевых деятелей литпроцесса (в «Роттердамском дневнике» это будет описано так: «“Борька, да ты и так сумасшедший, — смягчился Рейн, — тебе же сейчас читать, ты не смотри, что они улыбаются, эти люди всё замечают, всё, и не видать тебе больше Европы как своих ушей”. Те же слова я слышал от Ольги Юрьевны Ермолаевой на одном помпезном московском мероприятии. “Вот вам улыбаются, руку жмут, — сказала Ольга Юрьевна, — а вы не тайте, Борис Борисович, не тайте”»³⁹). Кроме того, литературная жизнь в столицах еще и потому воспринималась Рыжим в ракурсе «дурной игры», что теснее, нежели в провинции, коррелировала с рынком и, соответственно, требовала от художника усилий самопродюсирования — выработки того, что называется стратегиями и тактиками самопродвижения, включая продвижение своих текстов в печать и заведение полезных знакомств, формулирование собственного амплуа и удовлетворение определенных читательских запросов (включая запросы «тусовки») — словом, учет конъюнктуры «большого» литературного процесса. И этой конъюнктурности Рыжему в полной мере избежать, как считается, не удалось (О. Дозморов позже признавал: «...у него всё было по-честному»⁴⁰. Но он сильно играл на публику. Мол, если вы хотите видеть мальчика из провинции, то я таким и буду для вас. Игра, соревнование, наличие противника вообще его мотивировали»⁴¹). Именно такая, как представлялось тогда, «ориентация на Москву» — и в особенности появление в стихах Рыжего «блатной» темы (по мнению некоторых, для ситуации 90-х, безусловно, конъюнктурной, нацеленной на то, чтобы «зацепить» читателя) — настраивали к нему скептически часть его екатеринбургского окружения. Так, например, 22 октября 2000 г., по прочтении первой книги Рыжего «И всё такое...», выпущенной петербургским издательством «Пушкинский фонд», А. Кузин записал в дневнике: «...Я, пожалуй, также немного изменил отношение к его стихам. В телефонном разговоре с Борисом я соглашался с тем, что он выбрал язык (блатной), чтобы сказать в настоящее время о чем-то важном: о любви, о жизни, о смерти. Но теперь я думаю, что всякий “художественный”, искусственный, нарочитый язык в литературе есть среди русской речи язык птичий. Все-таки язык поэта должен точно соответствовать его сути: образу мыслей и речи. Иначе сам язык поглотит своего создателя. <...> Борис, заговорив на языке воров и пьяниц, как бы надел на себя маску. И в этой маске его пустили на современный литературный карнавал. Честнее было бы иметь открытое лицо»⁴².

Однако изначально возникновение в стихах Рыжего «блатной» темы было обусловлено отнюдь не желанием понравиться деятелям «современного литературного карнавала». Оно было реакцией раздражения по поводу непрозрачной политики этих деятелей — агентов «большого» литературного процесса, от которых зависело появление в печати стихов поэта. Именно лицемерной «политике» редакционных игр, как показывает стихотворение 1996 г. «...Глядишь на милые улыбки...», и был противопоставлен у Рыжего «мир иной», где «нету масок», где «жизнь обнажена, как схема»:

...Глядишь на милые улыбки
и слышишь шепот за спиной —
редакционные улитки
столы волочат за собой.

³⁹ Там же. С. 402.

⁴⁰ Речь о неприятии Рыжим блата при продвижении рукописей в печать.

⁴¹ Дозморов О., Кутенков Б. Олег Дозморов: «Борис нам уже не принадлежит — он принадлежит всем».

⁴² Кузин А. В. Следы Бориса Рыжего. Заметки из дневника. С. 93. Об этой же «маске» см. также в эссе Евгении Извариной (Изварина Е. Там залегла твоя жизнь... (Владимир Гандельсман, Денис Новиков, Борис Рыжий: куда приводят поиски утраченного времени): очерки // На середине мира. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/izvarina2.html> (дата обращения: 12.02.2020)). Ю. Казарин, в свою очередь, усматривает желание понравиться столичной публике в использовании Рыжим в стихах большого числа уральских топонимов: «Борис знал, как относятся к провинциалам в столицах, он понимал, что — как это ни цинично звучит — в метрополиях любят экзотику, и в этом плане его стихи могли — прежде всего топонимической “внешностью” своей (“Вторчермет”, “Кытлым”, “Уфалей”, “Свердловск”, “ул. Титова” и т. п.) — быть замечены, отмечены и даже приняты петербургскими и московскими поэтами» (Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. Изд. 2-е, доп. М.; Екатеринбург, 2016. С. 123).

Ну, публикация... Ну, сотня...
И без нее бы мог прожить...
Не лучше ль, право, в подворотне
с печальным уркой водку пить?
Есть мир иной, там нету масок —
ужасны лица и без них.
Есть мир иной, там нету сказок,
шутов бесполоых и шутих.
Там жизнь обнажена, как схема,
и сразу видно: тут убьет.
Зато надутая проблема —
улыбки, взгляда — не встает.
...Покуда в этом вы юлили,
слегка прищуривая глаз,
в том, настоящем, вас убили
и руки вытерли о вас⁴³.

При жизни Рыжего это стихотворение было напечатано лишь один раз — в малодоступной для широкого читателя екатеринбургской газете «Горняк» (1996, № 15, 18 нояб.), выходявшей в alma mater Рыжего — Уральской государственной горно-геологической академии. Впервые же апелляция к блатному миру, как выразителю простых и внятных правил жизни, декларативно, в полный голос прозвучала в стихотворении Рыжего «Зависло солнце над заводами...» (1997), которое открывало его первую столичную толстожурнальную публикацию (в «Звезде») и выступало, таким образом, чем-то вроде визитной карточки поэта:

Какие люди, боже праведный,
сидят на корточках в подъезде —
нет ничего на свете правильной
их пониманья дружбы, чести⁴⁴.

Тема непрозрачной политики литературных институций и шире — порочного и лживого литературного мира (которому противопоставлялся мир уголовников и бандитов) в этих стихах оказалась опущена (или, корректнее, уведена глубоко в подтекст). Вместе с тем на первый план был выдвинут дополнительный, на ближайшее время ставший магистральным для Рыжего, мотив — мотив «провинциального» происхождения поэта, его «уральской идентичности». Промышленные задворки страны («зависло солнце над заводами», «спецухи, тюрьмы, общежития, / хрущевки красные, бараки...»), где живут люди, сидящие «на корточках в подъезде», осмыслялись как такое пространство, в котором еще возможны «свободы на смерть, на осень и на слезы», то есть на простые и искренние, не разыгрываемые по законам литературы, представления и чувства.

Для профессионального читателя/критика условность и подлинный адресат (столичная литературная «тусовка») разыгрываемого Рыжим ампула «мальчика из провинции», «Байрона в телаге» (если воспользоваться словами О. Дозморова⁴⁵) и т. п. была очевидна. Так, в конце 2000 г. в рецензии на несколько поэтических публикаций Рыжего Ольга Славникова очень точно заметит: «Для Рыжего его некультурное сообщество — спасение от “литературы” в том смысле слова, в котором его употребил Верлен. Притом что данное сообщество, как уже было сказано выше, само на пятьдесят процентов является “литературой”...»⁴⁶. Иными словами, в координатах художественного мира Рыжего складывалась в какой-то мере парадоксальная (и тупиковая)

⁴³ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 104–105.

⁴⁴ Там же. С. 105.

⁴⁵ Позже Олег Дозморов объяснял: «А в Москве и Питере его принимали таким, какой он есть. Понимали его. Понимали, где он играет, почему он играет в советского поэта. Понимали, что это Байрон в телаге. Боря считал, что фишка — в стихах. Вот у него была такая фишка. Ее на Урале не рубили» (Дозморов О., Кутенков Б. Олег Дозморов: «Борис нам уже не принадлежит — он принадлежит всем»).

⁴⁶ Славникова О. Из Свердловска с любовью // Новый мир. 2000. № 11. С. 223.

ситуация, когда инструмент противостояния «литературе», ее «политике» и «игре» ее агентов сам по своей природе оказывался литературной условностью.

Но вернемся к Рыжему в период его поездки в Нижний Новгород. Если сопоставить приведенные выше слова поэта из интервью «Независимой газете» и его высказывания на фестивале «Другая провинция», то можно допустить, что в первом полугодии 2000 г., на волне стремительного роста известности после получения «Антибукера», он мыслил переезд в столицу для себя возможным или по меньшей мере его не исключал. Здесь уместно привести слова О. Дозморова, который через несколько лет после смерти Рыжего с горькой иронией вспоминал тогдашнюю ситуацию: «Приходить в себя пришлось все последние полтора года после “Антибукера”. Премия и вообще известность тебе, конечно, невероятно шли, в мутном омуте славы ты чувствовал себя как рыба в воде, но и звездной болезнью ты заболел серьезно, чего там. <...> Чтобы была настоящая слава, говорил ты, нужно человек тридцать идиотов, которые будут ходить по салонам и орать твои стихи. Да вот закавыка — в Екатеринбурге не набрать столько, очень уж тонок культурный слой, очень уж беден. Значит, надо ехать в Москву, ничего не поделаешь»⁴⁷.

Дело было, конечно, не просто в желании «славы», сколько в возможности стать частью «большого» литературного процесса, причем, по общим меркам, очень рано, в 25 лет. «Реальность предлагает сыграть по-крупному»⁴⁸, — говорит Б. Рыжий об этой перспективе в неоконченной прозе «Роттердамский дневник» (она писалась в том же году, после летней поездки в Нидерланды). И далее, как олицетворение этой «реальности», у Рыжего не случайно возникает фигура Ольги Славниковой — не просто прозаика и критика, а *профессионального литератора*, которая, в свою очередь, пронизательно заметила⁴⁹: «Сейчас Борис Рыжий переживает первую волну литературного успеха: большие подборки в “Знамени” и “Звезде”, поощрительный Антибукер за поэтический дебют, наконец, выход первой книги в престижном “Пушкинском фонде”, где издают самый цвет российской поэзии. Словом, пошла раскрутка, и Рыжий попал в то самое колесо, которое, если не катится вперед, валится набок»⁵⁰. «Качением вперед» в этой ситуации был бы, конечно, переезд. Именно в «Роттердамском дневнике» Рыжий дает ответ на сакраментальный вопрос, который со всей прямотой адресуют герою-повествователю два важнейших для Рыжего-поэта — Сергей Гандлевский и Евгений Рейн⁵¹ — и который, вероятно, он также задает себе сам:

«— Долго ты еще собираешься сидеть в своем Екатеринбурге? — спросил Рейн.

Год назад тот же вопрос задал нам с Олегом Дозморовым в номере гостиницы “Морская”, где мы проживали как участники какого-то конгресса, связанного с юбилеем не то Пушкина, не то Лермонтова, Сергей Маркович Гандлевский, которого мы на правах поклонников его стихов зазвали к себе пить сок <...>

— Свердловск — это ад! — сказал Сергей Маркович.

Мы с Олегом согласились, это ад.

<...>

— Долго ты еще собираешься сидеть в своем Екатеринбурге?

Я пожал плечами: если с женой наладится, так до самой смерти и просижу. Да и если не наладится, как я могу уехать? В Свердловске прошло мое детство, здесь мои друзья, по этим улицам по ночам прогуливаются тени родных мертвецов, погибших в самых сказочных обстоятельствах. В Свердловске до сих пор по 20-му маршруту ходит автобус, где на спинке последнего сиденья выцарапаны мои инициалы “Б. Р.” — это я ездил со своего Вторчермета к Ирине в Елизавет...»⁵²

Как убедительно показано в недавней статье Веры Ващук, нелинейная архитектура «Роттердамского дневника» на уровне нескольких тематических магистралей выстраивается вокруг

⁴⁷ Дозморов О. Премия «Мрамор». С. 139.

⁴⁸ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 444.

⁴⁹ В то время, еще живя в Екатеринбурге, О. Славникова сотрудничала в журнале «Урал» и имела возможность с самых ранних публикаций Б. Рыжего наблюдать его стремительное вхождение в литературу.

⁵⁰ Славникова О. Из Свердловска с любовью. С. 221.

⁵¹ А екатеринбургский поэт и друг Б. Рыжего Роман Тягунов говорит об этом и вовсе как о вопросе решенном: «...ты же все равно рано или поздно из Свердловска свалишь» (Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 423).

⁵² Там же. С. 428, 429.

одной темы — «конструирования субъективной идеи собственной жизни»⁵³, которая состоит в отказе поэта от благополучного, но скучного и «серьезного до глупости» литературного *настоящего* в пользу действительно дорогого для него полного безотчетного счастья и уже безвозвратно утраченного *прошлого* в кругу семьи, друзей и близких — прошлого, как видно по приведенной цитате, аккумулируемого пространством родного города. Позволю себе предельно упростить разговор, предположив, что «Роттердамский дневник» в целом писался Рыжим как ответ на этот главный для него в то время вопрос («Долго ты еще собираешься сидеть в своем Екатеринбурге?») — вопрос выбора между *провинцией* и *столицей*. В системе ценностных координат Рыжего он превращается в выбор между «просто жизнью» и «литературой», а в конце концов — между «подлинным» и «ложным».

Как минимум три условно «голландских» источника — упомянутый «Роттердамский дневник», стихотворение «Я тебе привезу из Голландии Lego...» и письма Рыжего 2000 г., в которых упоминаются Нидерланды (одно — А. Кушнеру, второе — А. Голицыну), — указывают на то, что переломным событием в принятии окончательного решения остаться жить в Екатеринбурге была поездка на 31-й Конгресс мировой поэзии в Роттердам (напомню: она состоялась через месяц после Нижнего Новгорода и для хроники жизни Рыжего осталась своего рода верхней ступенькой в его продвижении из своей провинции в мировую литературу). Стихотворение «Я тебе привезу из Голландии Lego...», адресованное маленькому сыну, убедительно показывает, что «голландская» тема у Рыжего (в контексте его биографии будучи прозрачной метонимией *литературной карьеры, мирового литературного процесса*) оказывается завязанной в один узел с темой ухода из семьи (который для него равносителен смерти⁵⁴), а пребывание в «Голландии» — некоему посмертному инобытию. «...Что касается Голландии, из места, откуда приходят подарки, — пишет Кейс Верхейл об этом стихотворении, — она по своим ассоциациям превращается в подобие той “страны” из знаменитого шекспировского монолога, “откуда ни один не возвращался”»⁵⁵. Иными словами, выбор жизненного пути литератора, предполагающий отъезд из Екатеринбурга, означал для Рыжего окончательный разрыв с женой и сыном — означал не-жизнь.

Наконец, завершая этот сюжет, приведу два фрагмента из писем Бориса Рыжего, написанных после поездки в Нидерланды, но с разницей в несколько месяцев. В первом — адресованном А. Кушнеру 14 июля 2000 г. — «Голландия» представляется своего рода местом обретения нового опыта (в том числе — скуки и одиночества в отсутствие близких-родных) и расширения кругозора, необходимого для понимания себя и своих жизненных приоритетов: «Был в Голландии. Смотрел Вермеера. Стоял перед “Ночным дозором”. Дельфт. Все это замечательно. Дважды читал, читал уверенно и, кажется, воспринят был публикой хорошо. Хотя Рейн и Алёхин говорят, что я читал плохо. Много фотографировал — потом оказалось, что зря, т. к. фотоаппарат у меня в конечном счете украли. В квартал красных фонарей не зашел принципиально. Вообще же было очень одиноко, спасался тем, что покупал игрушки для сына. Думал о многом, понял многое, а главное — никуда, никогда и ни во имя чего бы то ни было я не уеду из России, какова бы она ни была»⁵⁶.

Но если здесь выстраивается оппозиция «Россия (родина) vs. условная *заграница*», лишь отдаленно связанная с нашим разговором, то в позднейшем письме к А. Голицыну, где Рыжий сообщает, по сути, о том же решении, которое он принял, съездив в Голландию⁵⁷, эта оппозиция трансформируется в прямое противопоставление Екатеринбурга Москве, где «Екатеринбург» («свои друзья») символизирует полюс «просто жизни», а не названная прямо «Москва» («книги»,

⁵³ Ващук В. Е. Магистраль автобиографичности в творчестве Бориса Рыжего. На материале «Роттердамского дневника» // Вопросы литературы. 2023. № 6. С. 148.

⁵⁴ На то же указывают вопросы Юрия Казарина, которые он ставит при разборе этого стихотворения: «Смерть героя? Его уход из семьи, равный смерти?» (Казарин Ю. В. Внутренний мир и миры Бориса Рыжего. Екатеринбург; М., 2018. С. 168).

⁵⁵ Верхейл К. «Я тебе привезу из Голландии Lego...» (эскиз мемуарно-исследовательской статьи) // Филологический класс. 2003. № 10. С. 85.

⁵⁶ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 511.

⁵⁷ О том, что поездка в Голландию стала для Б. Рыжего своеобразной вехой, косвенным образом свидетельствует эпизод, записанный А. Кузиным в дневнике 8 октября 2000 г.: «В. П. Алексеев заметил сидящего молча за столом Бориса, спросил, как у него идут дела. “Из Голландии вернулся!” — ответил Борис. <...> Вот это “Из Голландии...” меня несколько удивило; с тех пор ведь прошло уже более трех месяцев» (Кузин А. В. Следы Бориса Рыжего. Заметки из дневника. С. 91).

журнал «Новый мир») — полюс литературной карьеры: «Правда, я был в Роттердаме, смотрел “Ночной дозор” Вермеера, ездил в Дельфт, беседовал с профессором Кейсом Верхейлом, которому Бродский посвятил “Голландия есть плоская страна...”, но самое главное — я сделал открытие. Я понял, что мне ничего не надо. Я понял, что люблю Екатеринбург (конечно, странную любовью, но все же), своих друзей, а книги и “Новые миры” — все это такая ерунда...»⁵⁸

Итак, вероятно, уже через несколько месяцев после развернувшейся на фестивале «Другая провинция» в Н. Новгороде дискуссии о «провинции», побывав на Конгрессе мировой поэзии в Роттердаме, Рыжий, наконец, принял решение относительно своего ближайшего будущего — и оно было в пользу того, чтобы остаться в родном городе. Решающую роль в этом сыграли семейные обстоятельства, крепкая привязанность Рыжего, с одной стороны, к жене и сыну, с другой — к родителям. На то, что это решение во многом было вынужденным и не способствовало психическому благополучию Рыжего, указывает в своих воспоминаниях ближайшая подруга Рыжего в этот период прозаик Наталья Смирнова: «Он “замысливал побег”. Хотел вырваться, уехать. Говорил, что ему предлагают работу в “Независимой газете”, возмущался: “Разве можно здесь жить?” Искал пути, способы, людей, места. Но мне в это не верилось. Его жизнь была такой замкнутой и определенной, в ней так непоколебимо были расставлены люди, распределены роли. И собственное амплу стало кожей, все поменять было нереально. Уйти совсем мог, а вот поменять — нет. Всё, что его мучило, уводил в стихи, а это значило все отчеканить. Поэтому даже самых “печальных строк” стереть не мог. Терпел до конца, сколько мог. Терпел, потому что никогда не держал себя за объект. Решил, что сам выбрал это время для стихов, этот город, дом, женщину, значит, так тому и быть. И пересмотру не подлежит»⁵⁹.

ПОРТРЕТЫ И АВТОПОРТРЕТ Б. РЫЖЕГО В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Каким был Борис Рыжий в Нижнем Новгороде? Судя по воспоминаниям других участников фестиваля, в этот период он следовал (возможно, во многом по инерции) имиджу созданного им в стихах лирического героя — поэта-хулигана, кто, как сказано в стихах 1998 г., «бездельничал, “Русскую” пил, / ... шмонался по паркам туманным», в то время как сочинивший его автор «за чтением зренье садил / да коверкал язык иностранным» («Мой герой ускользает во тьму...»)⁶⁰. Эта артистическая по своей природе «раздвоенность» поэта угадывалась почти всеми участниками литературного съезда. Правда, одни — например, А. Голицын, — как бы подыгрывая Рыжему, рисовали позже его словесный портрет, нарочито усиливая в нем черты его собственного лирического героя: «Мы познакомились весной 2000 г. в Нижнем Новгороде, на литературной конференции.

— Кто это, в кепке и без носков?

(Тема нижнего белья возникла не случайно: весна выдалась снежная.)

— В кепке — Рыжий.

— Мне кажется, он брүннет.

— Рыжий — его фамилия. Кстати, знакомься: Борис, знаменитый свердловский поэт, лауреат “Антибукера”.

<...> Борис Рыжий работал, что называется, на контрастах. Сын известного ученого-ядерщика, аспирант университета с красным дипломом, он обладал неуловимой зековской пластикой, приклатненной походкой и агрессивной манерой выражаться. Получив крупную денежную премию, продолжал курить сигареты без фильтра. Довершал облик длинный шрам от бритвы на лице. Остается добавить, что при крайней худобе, небольшом росте и несомненном поэтическом таланте он умудрился стать чемпионом Свердловска по боксу среди юниоров.

⁵⁸ Цит. по: Голицын А. Рыжий // Новые времена (Саратов). 2003. № 7 (22), 21–27 февр. URL: https://www.nvsaratov.ru/nvrubr/?ELEMENT_ID=10294 (дата обращения: 10.04.2007); письмо не датировано. Первая (и единственная) встреча Рыжего с Кейсом Верхейлом произошла не в Нидерландах (как можно было бы подумать), а в Екатеринбурге в сентябре 2000 г., когда Верхейл путешествовал по России (см.: Верхейл К. «Я тебе привезу из Голландии Lego...» (эскиз мемуарно-исследовательской статьи). С. 83). Это позволяет датировать цитируемое письмо приблизительно последним кварталом 2000 г.

⁵⁹ Смирнова Н. Борис Рыжий. 2011. URL: http://old.magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/smirnova/br.html (дата обращения: 12.12.2023).

⁶⁰ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 191.

<...> Его немедленно полюбили местные нижегородские бандиты и стали приглашать в сауны и казино. В сауне он потерял часть одежды, а в казино проиграл чудовищную сумму чужих денег. За стихи ему прощали все. Криминальные личности ошибочно считали, что он пишет про них и для них»⁶¹.

Другие же участники фестиваля, наоборот, акцентировали «раздвоенность» Рыжего, его нетождественность избранному образу: «С одной стороны, он, безусловно, следовал за своим имиджем, но, с другой стороны, сложилось впечатление, что это скромный, интеллигентный молодой человек»⁶², — вспоминал о знакомстве с Рыжим Д. Зернов в интервью 2014 г. В личном письме ко мне он дополнительно подчеркнул, что вызывающее поведение Рыжего в Нижнем Новгороде спровоцировало появление о нем «всяких историй» — то есть нарративов, далеко не во всех деталях правдивых: «...про Рыжего потом ходили всякие истории, мол, он с другом Унжакова (то ли предпринимателем, то ли бандитом) потом поехали в сауну <...>, или то, что он где-то разбил унитаз. Однако за достоверность этих историй я поручиться не могу. <...> А ботинку на босу ногу я помню. Он так и сидел на <финальном> мероприятии (кажется, как раз тогда нас проверял Сорос), разлил воду и рукой стряхивал ее на пол, одновременно что-то рассказывая залу (мне про это еще и знакомые после рассказывали: на них это произвело неизгладимое впечатление)»⁶³.

Подробный аналитический словесный портрет Рыжего в Нижнем Новгороде оставил Сергей Костырко. Его текст (он уже цитировался выше) был написан в 2011 г. по просьбе екатеринбургского журналиста Алексея Мельникова⁶⁴, который некоторое время был страстно увлечен Борисом Рыжим — не столько его стихами, сколько собиранием разного рода историй, бытовых подробностей и, прежде всего, баек, легенд и мифов о нем. Эту его установку Сергей Костырко как респондент не поддержал, более того — благодаря осознанному уклонению от подобного, с налетом авантюрного флера, взгляда на Б. Рыжего (в рассказах о нем вообще нередко возникающего как бы по инерции) его воспоминания отличаются предельной деликатностью и трезвостью оценок: «В Горьком-на-Волге (Нижнем Новгороде. — Т. А.⁶⁵) я наблюдал за Борисом Рыжим уже со специальным интересом. Я прочитал к тому моменту достаточно его стихов, чтобы понимать, кто передо мной. <...>

Стихи его, кроме всего прочего, поразили меня еще и абсолютным отсутствием поэтического щенячества. Борис Рыжий стал поэтом сразу и всерьез. Уровень чисто профессиональной его культуры был впечатляющим даже на фоне нынешней литературной грамотности. И чувствовалось, что мотором у Бориса Рыжего были не усидчивость или пиетет к культуре вообще, а масштабы таланта, естественным образом всасывающего эту культуру как необходимое ему горючее...

Единственно, что меня как-то остужало в его стихах, это некоторая романтизация дворовой шпаны, полукриминального дворового братства. Очень похоже было на неизжитые комплексы мальчика из интеллигентной семьи, именно в таких образах персонифицирующего для себя “мужское”, “взрослое”, “настоящее”...

<...> Законы “дворового братства” и его цену я знал достаточно хорошо. Я в это братство не верил...

Но в стихах Бориса Рыжего это, в общем-то, особого возражения не вызывало, это входило в образ” — в конце концов, функция искусства еще и функция компенсации»⁶⁶.

⁶¹ Голицын А. Рыжий.

⁶² Зернов Д., Ларионов Д. «Очень важен быт и его мелочи: они наполнены особым смыслом».

⁶³ Из личного письма автору статьи от 18 октября 2023 г.

⁶⁴ Первоначально воспоминания С. Костырко А. Мельников опубликовал в журнале «Российский колокол» с подзаголовком «На фоне килек и стаканов» (строчка из стихотворения Рыжего «Брега Невы. Портвейн с закуской...», 1998) без указания авторства (Мельников А. Борис Рыжий — предания, легенды, сказания // Российский колокол. 2013. № 1/2. URL: <https://ros-kolokol.ru/literaturovedenie/boris-ryzhii.html> (дата обращения: 17.10.2023)); позже этот текст вошел в его книгу «Борис Рыжий: введение в мифологию» под инициалами «С. К.» (Мельников А. Борис Рыжий: введение в мифологию. С. 156–163).

⁶⁵ Многие имена собственные, включая названия городов, журналов и т. д., в книге А. Мельникова были намеренно зашифрованы (о причинах см.: Арсенова Т. А. “The Real Life of... Борис Рыжий”: о книге Алексея Мельникова «Борис Рыжий. Введение в мифологию» // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 81–82).

⁶⁶ Цит. по: Мельников А. Борис Рыжий: введение в мифологию. С. 161.

«Стремительность, с которой, только-только расположившись в гостинице, ребята (в том числе Б. Рыжий. — Т. А.) ломанулись в буфет обмывать прибытие, наводила на мысль, что питье было не только потребностью или удовольствием, но еще и формой позиционирования. Отчасти культивируемого стиля жизни»⁶⁷.

Этот стиль поведения Рыжего, отсылавший к жизнелюбству художников-модернистов начала XX в., в особенности к эпатажности Есенина — «поэта-пьяницы» и «хулигана», через год после нижегородского фестиваля будет вспоминать Кирилл Кобрин в «Письмах в Кейптаун о русской поэзии». В своих рассуждениях он связал суицид Бориса Рыжего с «назойливой есенинщиной», от которой Рыжий «не смог отмахнуться», «точнее — в жизни не смог, в стихах не успел. Смешение литературы и жизни, придуманное романтиками, оказалось смертельным коктейлем...»⁶⁸. «После смерти Рыжего появилось несколько некрологов, изображавших его чуть ли не дикарем, слегка окультуренным Маугли, слонем в посудной лавке постсоветской словесности, — писал Кобрин, обращаясь к своему литературному адресату Петру Кириллову. — Не верь им, Петя. Борис Рыжий был начетчик. Некоторым образом книжный поэт. Его дворовая лирика построена вся на скрытых цитациях и аллюзиях, она многослойна, многослойно и эстетическое наслаждение от ее восприятия. <...> И Родина его была не Свердловск, Отечество ему — не РТИ из прекрасного стиха⁶⁹ <...> Нет, Родина, Отечество Бориса Рыжего — русская поэзия, вся, от Кантемира до Заболоцкого. Не надо путать присущее ему тяжелое озорство, свойство вообще слишком русское, с дикарством. Да и это самое тяжелое озорство тоже чуть ли не литературного происхождения; маска есенинского “озорного гуляки” была ему чаще всего не к лицу, но он так уж решил. И она намертво приросла к коже»⁷⁰.

Вне зависимости от того, фиксировались ли те, кто вспоминал Рыжего в Нижнем Новгороде, на «игровой» подоплеке его поведения и манер, на их литературной условности и в некотором смысле даже прецедентности, или же не обращали на это внимания, выразительность и завершенность рисуемого ими образа поэта почти всегда ретроспективно определял один немаловажный момент — все они подсознательно держали в уме тот факт, что уже через год, в мае 2001 г., Рыжий свел счеты с жизнью. Журналист Мария Кузнецова завершила свое письмо ко мне так: «Бориса Рыжего очень хорошо помню на пресс-конференции <...>. Он там сидел и курил всё время — докуривал сигарету и почти сразу брал другую, и скоро в небольшом зале стало трудно дышать. Я никогда не видела, чтобы человек столько курил, и в сочетании с бледным нервным лицом впечатление, конечно, было — “не жилец”. Но никто и подумать не мог, что...»⁷¹

Артистический «хулиганский» образ Рыжего поддерживала такая примечательная деталь его внешнего облика (она запомнилась не одному участнику фестиваля), как ботинки, надетые на босу ногу. Отсутствие носков едва ли можно было списать на случайность, рассеянность или природную неряшливость поэта, ведь, по свидетельствам близких, Рыжий «был чистоплотен до брезгливости <...> тщательно следил за своим здоровьем <...> за своей внешностью — выбирать вещи себе он не умел или не любил, это делали родные, но носил их со вкусом и бережно»⁷². Можно также вспомнить и то, насколько внимателен Рыжий был в стихах к отдельным деталям гардероба своего лирического героя⁷³. Предметы одежды (или обуви) всегда имели символическое значение, подчеркивая индивидуальность, характер и социальное положение героя или персонажа его стихов. Явное же их отсутствие обычно маркировало тех, кого можно назвать, выражаясь словами Рыжего,

⁶⁷ Там же. С. 160.

⁶⁸ Кобрин К. Письма в Кейптаун о русской поэзии. Письмо пятое // Октябрь. 2001. № 8. С. 159–160.

⁶⁹ Название промышленного микрорайона Екатеринбурга из стихотворения «Вы, Нина, думаете, Вы...».

⁷⁰ Там же. С. 162.

⁷¹ Из личного письма автору статьи от 14 ноября 2023 г.

⁷² Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. С. 201.

⁷³ Примеров тому множество, ограничусь лишь несколькими весьма характерными цитатами: «Напялим черный фрак / и тросточку возьмем — / постукивая так, / по городу пойдем. / Где нищие, жлобье, / безумцы и рвачи — / сокровище мое, / стучи, стучи, стучи. / <...> / Среди фуфаяк, роб / и всяческих спецух / стучи сильнее, чтоб / окреп великий слух» («Музе», 1996) (Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 81–82); «...гляди сюда, какими лейблами / расписана моя телуга. // На спину “Levi’s” пришпандорено, / “West Island” на рукав пришпилено» («Восьмидесятые-усатые...», 1998) (Рыжий Б. Стихи. 1993–2001. СПб., 2003. С. 206); «Венок из ромашек, / спортивные, в общем, штаны, // кроссовки и майка — / короче, одет без затей» («В Свердловске живущий...», 2000) (Там же. С. 324).

«земной швалью»⁷⁴ (к ней, напомним, у него относились в том числе «бандиты и поэты»); в онтологическом плане всё это были те, кто как бы балансировал на грани жизни и смерти⁷⁵.

К моменту описываемой поездки в Нижний Новгород ношение обуви на босу ногу уже прозвучало в стихах Рыжего, получив таким образом символическое измерение. В цикле 1999 г. «Маленькие трагедии» оно выступает частью портретной зарисовки участкового милиционера — персонажа «из народа», воплощающего собой существование как бы на границе миров, «чужого среди своих» (в данном случае — в милицейском управлении) и «своего среди чужих» (в кругу дворовой шпаны):

Участковый был тихий и пьяный, сорока или более лет. В управлении слыл он смутьяном, не давали ему пистолет. За дурные привычки, замашки двор его поголовно любил. Он ходил без ментовской фуражки, в кедах на босу ногу ходил. А еще был похож на поэта, то ли Пушкина, то ли кого. Со шпаную сидел до рассвета. Что еще я о нем?

Ничего мне не вспомнить о нем, если честно.

А зажмурюсь, и вспомнится вдруг только тусклая возле подъезда лампочка с мотыльками вокруг⁷⁶.

Ряд отсутствующих у милиционера предметов (пистолета, «ментовской фуражки», носков — того, без чего непредставим типичный блюститель порядка), выступая здесь частным случаем нарушения установленного порядка, наряду с «привычками, замашками» позволяет дворовому сообществу признать в нем «своего». В свою очередь, эта способность быть «своим среди чужих» в сочетании с, на первый взгляд, неожиданным сходством с поэтом («был похож на поэта, то ли Пушкина, то ли кого») не просто выделяет его на фоне других людей, но роднит с субъектом лирического повествования — поэтом, который, как выясняется из последнего предложения, выходец из той самой дворовой шпаны (то есть также в некотором роде социальный медиатор).

Способность преодолевать социальные границы, нисходя до «простых Марусь и Вась» (см. стихотворение «Зеленый змий мне преградил дорогу...», 2000), в целом была принципиально важна для Рыжего, еще в 1996 г. заявившего о себе: «Любой собаке — современник, / последней падле — брат и друг» («Я жил как все — во сне, в кошмаре...»)⁷⁷. Она одновременно была и яркой чертой его собственной личности (по замечанию Ю. Казарина, он «обладал способностью быть своим с любым человеком»⁷⁸), и составляла концептуальное ядро его индивидуально-авторского представления о Поэте. Не случайно на правах едва ли не программной автохарактеристики она звучит в автопортрете Рыжего, написанном в обстановке нижегородского фестиваля, в прозе «Роттердамский дневник»⁷⁹. Рыжий изображает себя в уже в привычном для читателя образе «народного поэта», принимаемого «блатными» за «своего»⁸⁰. В особенности этот автопортрет

⁷⁴ Это были преимущественно представители низов: и «голытьба» в прямом смысле слова, например, нищенка, танцующая под музыку уличного музыканта («В черной арке под музыку инвалида — / <...> / танцевала босоногая обидка. / Кинем грошик да оставим стеклотару...») («В черной арке под музыку инвалида...», 1995) (Рыжий Б. Стихи. 1993–2001. С. 17), или старик-инвалид, играющий на гармошке на вокзале («Живи без курева и денег / в одетом наголо пальто» («В обширном здании вокзала...», 1999) (Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 241), и бывшие заключенные («Уркаган, разбушлатившись, в тамбуре / выбивает окно кулаком / <...> / и на стеклах стоит босиком» («Так гранит покрывается наледью...», 1997) (Там же. С. 133); «Он выходил во двор по пояс голый / и начинал сначала // о том, о сем, о Ивделе, Тагиле...») («Вот красный флаг с серпом висит над ЖЭКом...», 2000) (Там же. С. 278).

⁷⁵ В этом смысле характерно упоминанием босых ног лирического героя в воображаемой предсмертной ситуации: «О, как же умереть боюсь в больничной / палате с мужиками впятером, / в сознании, с мордой деланно приличной, / без сына, без жены и босиком» («Безвкусица») (Рыжий Б. «Вырви из “Знамени” этот листок...»: стихи / публ. Б. П. Рыжего и И. Князевой // Знамя. 2003. № 1. С. 50).

⁷⁶ Рыжий Б. Стихи. 1993–2001. С. 307.

⁷⁷ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 53.

⁷⁸ Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. С. 220.

⁷⁹ «Роттердамский дневник» — единственное произведение Рыжего, в котором упоминается Нижний Новгород; в стихах эта поездка, насколько мне известно, отражения не нашла. В биографической книге о Рыжем Илья Фаликов объясняет: «О весеннем Нижнем Новгороде двухтысячного года стихов у него не осталось или не появилось вовсе. Он тогда целиком был настроен на Роттердамский фестиваль, думал круглосуточно о близком выезде в Голландию» (Фаликов И. Борис Рыжий. Дивный камень. М., 2015. С. 314. (Жизнь замечательных людей: Малая сер.: сер. биограф.; вып. 86)).

⁸⁰ В том же ключе он представился в интервью Александре Кучук, журналисту газеты «Комсомольская правда на Урале», в июле 2000 г.: «Новые русские (именно так можно определить статус людей, что работают на студии) знакомством

примечателен тем, что в нем как настоящий спутник темы «свойскости» (социальной медиации) вновь возникает мотив отсутствия предмета одежды, но не уже носков, а рубашки: «...прочитал <стихи со сцены>, вышел покурить, а тут ко мне подходит человек, говорит, что любит мои стихи, и предлагает экскурсию по Горькому. Я соглашаюсь, но при условии, что поеду не один, а с товарищами. Человек достает сотовый и говорит в него следующее: чтоб через двадцать минут сауна была свободна. Его звали Колян. После сауны мы поехали в казино, где Колян с Володей Садовским просадили что-то уж очень много денег, даже по их меркам. Утром я проснулся, помылся-побрился, штаны напялил, носки, а рубашку все никак найти не могу. Бужу Олега Дозморова, с которым живу в одном номере, спрашиваю на предмет рубашки.

— А тебя, — говорит, — блин, без рубашки привели, в куртафане на голое тело, рубашку, сказали, в сауне забыл.

— Кто, — говорю, — привел?

— Колян с Володей.

— Дай, — говорю, — хоть майку какую, что ли, мне опохмелиться надо сходить.

Прихожу в бар, а там уже Пурин сидит, пиво пьет.

— Что это вы, — говорит, — Борис Борисович, в майке, никак рубаху заблевали?

Я только рукой махнул. Потом пришел Голицын со своей водкой и сказал, что его зовут Алексей Голицын и он зам. главного редактора журнала “Волга”, и что скоро “Волге” звезда придет, не финансируют, мол, ни Министерство культуры, ни деловые люди.

Потом пришел Кирилл Кобрин и стал кричать на всех:

— Ни грамма водки, я повторяю, ни грамма!»⁸¹

Однако в полной мере тема одежды раскроется в «Роттердамском дневнике» позже, ближе к финалу текста, — там, где поэт заговорит о периоде жизни, который пришел на смену «времени золотому» — времени творческого воодушевления, бравурной игры с Олегом Дозморовым в поручиков-поэтов, обмена дружескими стихотворными посланиями в духе XIX в., планов издавать стилизованный, пародийный литературный журнал с виньетками и т. п.: «Два года прошло с тех пор, Олег, а кажется, двадцать. Куда все подевалось? Что стало с нами? Почему господин в зеркале думает о смерти чаще, чем о жизни. Бреется брезгливо и думает о смерти. Почему стало плевать на то, во что ты одет? Где стрелочки на брюках? Что за перья и нитки на пальто? И что это за турецкая дрянь у меня на ногах, я всегда носил минимум “Саламандру”? Мы предпочли вымыслу реальность, я во всяком случае...»⁸² Здесь тема небрежения одеждой (к которому следует отнести и отсутствие обязательных элементов гардероба) получает прямое психологическое измерение. Именно поэтому надетые на босу ногу ботинки (или — вариант — отсутствующую рубашку) Б. Рыжего в Н. Новгороде правильнее было бы считать не столько данью артистическому амплу поэта-хулигана, сколько красноречивым показателем его душевного состояния в последний год жизни — депрессии⁸³, которая скрывалась за игровыми жестами и явными проблемами с алкоголем.

с Рыжим гордятся. По ресторанам его водят. “— А однажды звонят мне в 9 утра и кричат в трубку: “Боря, ты гений! Мы сейчас сидим на даче, пьем пиво и зачитываемся твоими стихами. Давай, дуй к нам!”» (Рыжий Б., Кучук А. Провинциальный поэт Рыжий, владелец Антибукера, покоритель Европы).

⁸¹ Рыжий Б. Оправдание жизни. С. 395–396.

⁸² Там же. С. 443.

⁸³ Контрастной по отношению к отсутствующим носкам из 2000-го деталью внешнего облика Б. Рыжего можно назвать его белоснежные носки из 1994-го — своего рода маркер самоощущения и психологического благополучия поэта в начале творческого пути. Они запомнились поэтам Диане Кан и Вадиму Терехину, которые, как и Рыжий, принимали участие в Совещании молодых литераторов при Союзе писателей России в Москве в начале 1994 г. «Помню-помню, вижу-вижу, / Как в каком-то феврале, / Нам читает Боря Рыжий / Вирши, стоя на столе. / За окном ночная замять / И вокруг полно тоски. / Только врезались мне в память / Бори белые носки...», — писал Вадим Терехин в стихотворении «Совещание молодых, 2.02.1994» (2016), а Диана Кан поясняла: «...я запомнила в далеком 1994 году, после разбора творческих полетов, когда мы гусарили в легендарной общаге Литинститута, на нашем аскетичном поэтическом столе после семинара, столе, где разлитое вино соседствует с огурками, запомнила, как в разгар попойки Боря одним движением руки смахнул со стола посуду, вспрыгнул на стол и стал читать стихи. Эти его белейшие носки на грязном столе

References

- Ariev A. ["Little Man" in Search of God. (St. Petersburg Cultural Self-Awareness Today)]. *Vsemirnoye slovo: mezhdunar. zhurnal* [World Word: International Journal], 2003, no. 16, pp. 19–22. (In Russian).
- Arsenova T. A. ["The Real Life of... Boris Ryzhy": On the Book "Boris Ryzhy. Introduction to Mythology" by Alexey Melnikov]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2019, no. 2 (56), pp. 78–89. EDN: BDTKSY. DOI: 10.26170/FK19-02-10 (In Russian).
- Boris Ryzhy: issledovaniya i materialy: kollektiv. monograf.* [Boris Ryzhy: Research and Materials: Collective Monograph]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2022. EDN: WXGWAM. (In Russian).
- Bystrov N. L. ["The Ugly" as the "Beautiful": Towards the Interpretation of One Poetic Formula by Boris Ryzhy] *Boris Ryzhy: issledovaniya i materialy: kollektiv. monograf.* [Boris Ryzhy: Research and Materials: Collective Monograph]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2022, pp. 104–121. EDN: IROAGE. (In Russian).
- Chepelev V. [Scottish Diary: Review: Oleg Dozmorov. Marble Prize. Non-fiction]. *Za Art: zhurnal sozdateley i potrebiteley iskusstva* [Za Art: Journal of Creators and Consumers of Art], 2006, no. 9, pp. 99–100. (In Russian).
- Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: Zhizn' po ponyatiyam* [Russian Literature Today: Life by Concepts]. Moscow: Vremya Publ., 2007. (In Russian).
- Falikov I. *Boris Ryzhiy. Diviy kamen'* [Boris Ryzhy. Divvy Kamen]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2015. (The Lives of Remarkable People. Small Series: A Series of Biographies; Iss. 86.) (In Russian).
- Izvarina E. [Your Life Lies There... (Vladimir Gandelsman, Denis Novikov, Boris Ryzhiy: Where the Search for Lost Time Leads): Essays]. *Na seredine mira* [In the Middle of the World]. Available at: <http://seredina-mira.narod.ru/izvarina2.html> (accessed: 12.02.2020). (In Russian).
- Kazarin Yu. V. *Poet Boris Ryzhiy. Izd. 2-ye, dop.* [Poet Boris Ryzhy. 2nd ed., suppl.]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2016. EDN: VRLAEB. (In Russian).
- Kazarin Yu. V. *Vnutrenniy mir i miry Borisa Ryzhego* [The Inner World and the Worlds of Boris Ryzhy]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2018. EDN: YSDANV. (In Russian).
- Kostyrko S. [Russian Literary Internet: The Beginning]. *Novy Zhurnal* [The New Review], 2011, no. 263. Available at: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (accessed: 16.11.2023). (In Russian).
- Lukyanin V. P. *"Ural": zhurnal i sud'by* ["Ural": Magazine and Destinies]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2018. (In Russian).
- Molodoy Gor'kiy: putevoditel' po literaturnoy zhizni Nizhnego Novgoroda* [Young Gorky: A Guide to the Literary Life of Nizhny Novgorod]. Moscow: Pyatyy Rim Publ., 2020. (In Russian).
- Slavnikova O. [From Sverdlovsk with Love]. *Novyy mir* [New World], 2000, no. 11, pp. 220–225. (In Russian).
- Slavnikova O. [Upper and Lower Landscapes of Ekaterinburg]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2000, no. 5 (45), pp. 294–304. (In Russian).
- Vashchuk V. E. [Autobiographical Tendencies in Boris Ryzhy's Works. The Rotterdam Diary]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2023, no. 6, pp. 135–148. EDN: UWEOTU. DOI: 10.31425/0042-8795-2023-6-135-148 (In Russian).
- Verheul K. ["I'll Bring You Lego from Holland..." (A Sketch of a Memoir-Research Article)]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2003, no. 10, pp. 83–86. EDN: PYGHCF. (In Russian).

я не забуду никогда!» (Кан Д. [Стихотворение Вадима Терехина о Б. Рыжем] // Личная страница Дианы Кан ВКонтакте. 2017. 2 февр. URL: https://vk.com/wall184886112_4798 (дата обращения: 19.06.2024)). Чуть позже Диана Кан вспоминала, как они тогда «взахлеб говорили о поэзии, хотя на душе у меня скребли кошки. Борю тогда тоже не приняли (в Союз писателей по итогам Совещания. — Т. А.), но он так спокойно и с юмором к этому отнесся и с такой уверенностью говорил мне, что мы всё равно будем выдающимися поэтами. Я смотрела на него и думала — ох ты и оптимист, Борис! А сегодня думаю — откуда у него была такая уверенность?» (Кан Д. [Комментарий о Совещании молодых литераторов 1994 г.] // Группа «Оренбургское литобъединение имени Аксакова» ВКонтакте. 2022. 3 окт. URL: https://vk.com/wall-12387451_3865?ysclid=ixhdu79v2m21775212 (дата обращения: 19.06.2024)).

К статье Т. А. Арсеновой

Рис. 3. Борис Рыжий перед выступлением в Доме архитектора. Из архива Алексея Пурина
Fig. 3. Boris Ryzhy before the meeting in the House of Architects. From the archive of Alexey Purin